

Исирова С.Ж.

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В РУССКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ КАК ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ ВЫДЕЛЯЕТСЯ И В РУССКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Имя существительное занимает центральное место в группе именных частей речи и составляет самый многообразный пласт в лексической системе и русского и кыргызского языков. семантическим признаком имен существительных в обоих языках является выражение предметности, так как любое существительное, конкретно оно или абстрактно, обозначает предмет в широком смысле этого слова: работа-*жумуш*, окно-*терезе*, мука-*ун*, девочка-*кыз* и т.д. в русском языке существительные имеют категории рода, числа, падежа, одушевленности. а в кыргызском языке морфологически имя существительное отличается специальным набором грамматических категорий: число, род, принадлежность, сказуемость. морфологическая или грамматическая категория - это система противопоставленных морфологических форм с однородным содержанием.

Основные принципы построения морфологической или грамматической категории.

1. Наличие противопоставленных форм;
2. Противопоставленные формы должны быть бинарным, иметь план содержания;
3. Должно быть единство плана содержания и плана выражения.

План содержания принадлежности в русском языке есть, а плана выражения нет. А в кыргызском языке есть и план содержания, и план выражения – аффиксы принадлежности. В русском языке, хотя категория принадлежности и отсутствует, но значение принадлежности передается при помощи притяжательных местоимений, притяжательных прилагательных и родительного падежа имени существительного.

Рассмотрим как выражают принадлежность притяжательные прилагательные.

Притяжательные прилагательные выражают отношение одного предмета к другому, сравним: гусиное перо-перо гуся, сестрин муж-муж сестры. Среди притяжательных прилагательных выделяются две группы слов, которые отличаются друг от друга по семантическим, а также грамматическим свойствам:

1. собственно притяжательные прилагательные (мамин брат, бабушкина шуба, тестев дом и т.д.);

2. притяжательно-относительные прилагательные (медвежья берлога, коровье молоко, птичий гомон и т.п.)

Собственно-притяжательные прилагательные обозначают принадлежность одному лицу. К ним относятся прилагательные с суффиксами -ов (-ев), -ин (-ы=),/-нин: женихова мать, князев двор, нянькины сказки, мужнино желание и др. В “Обратном словаре русского языка” (М.1974) отмечено около 220 слов, относящихся к этой группе. Судя по материалам словарей, образования на -ин уже почти не пополняются. Суффикс -ин не утрачивает продуктивности, только соединяясь с собственными именами типа Верин, Мишин, Анисин. Редко возникают (в основном в разговорной речи) новые слова на ов (-ев) типа председателей, инженеров и т.п. Оба суффикса сочетаются также с названиями животных: ястребов, буйволов, воронов; бабочкин, ласточкин, кошкин, марьышкин и др. Значение единичной принадлежности выражает также суффикс – ск (ий), который сочетается в этом случае с фамилиями: Лермонтов - лермонтовский, Пушкин-пушкинский и др. В современном русском языке притяжательные прилагательные вытесняются формами родительного падежа личных существительных, притяжательно-относительными и относительными прилагательными. Сравним: хозяинов сын-сын хозяина, хозяйский сын; пастухов рожок-рожок пастуха, пастуший рожок; дочерино желание – желание дочери и т.п. Притяжательно-относительные прилагательные. В своей семантической структуре совмещают притяжательные и собственно относительные значения. Они образуются от названий людей и животных при помощи суффикса -й (ий, -ья, -ье, -ьи): враг-вражий, охотник-охотничий, сокол-соколий, телята-телячий и др. Эти прилагательные выражают не индивидуальные признаки лиц и животных, а характерные для них свойства (родовые признаки): заячьи следы, медвежья лапа, коровье вымя.

Павский ясно и точно охарактеризовал указательную природу прилагательных на -ов (-ев), -ин: “окончание -ов (и -ев, -а, -о) образуют имена прилагательные, означающие принадлежность или усвоение одним лицом и животным и притом

усвоение ближайшее, относящееся к одному известному лицу и животному...” И о суффиксе -ин Павский писал: Это окончание -ин во всех отношениях по значению своему похоже на окончание -ов, которым означает ближайшее усвоение; пастухов - пастуший, петухов - петуший. Павский настаивал на необходимости решительно отделять прилагательные усвоительные, то есть притяжательные, от качественных и относительных прилагательных.

Необходимо глубже проникнуть в грамматическую природу притяжательных прилагательных. Прежде всего бросается в глаза некоторое сходство между ними и такими местоименными прилагательными, как мой, твой, наш, ваш, тот, этот. Между обоими этими разрядами обнаруживается тесная смысловая связь. Оба они не только выделяют предмет, но и индивидуализируют его посредством непосредственного указания на него самого или посредством указания его владельца. Этой особенностью притяжательные и указательное – или притяжательное – местоименные прилагательные резко отличается от всех других. Они выполняют функцию указания (в широком смысле этого слова), а не качественного определения. Сущность этого индивидуализирующего указания легко понять, сопоставив, например, значение таких слов, как: женин, сестрин, дядин, папин, нянин, бедняжкин, курицын и т.п., со словами, вроде: лошадиный, гусиный, комариный, куриный, приятелей, швейцаров и т.д. с прилагательными на -овский, -ский или -овый, -овой: отцовский, приятельский, кротовый, полевой и т.д.

Уже в грамматиках первой половины XIX века (например, у Н.И.Греча) притяжательные личные (или частные) происходящие от имени одного определенного существа (женин, львов и т.п.), противопоставались родовым или общим (львиный, женский и др.). Таким образом, прилагательные притяжательные, подобно указательным местоимениям, несут функцию индивидуализирующего, обособляющего указания на принадлежность одному существу, единичному обладателю общности качества, выражаемого прилагательным качественно-относительным, здесь противостоит значение индивидуализирующего выделения предмета.

Анализ значений притяжательных суффиксов -ов, -ин может точнее уяснит общее содержание категории притяжательности в современном русском языке.

Суффикс -ов, -ев, производящий имена прилагательные от существительных мужского рода на твердый и мягкий согласный и очень редко – в просторечии – от существительных среднего рода и

выражающий принадлежность одному определенному (обозначенному основной имен существительных) существу, в книжных стилях литературного языка угасает. Он вытесняется родительным падежом имени существительного, выражающим как единичную, так и коллективную притяжательность. Неудобство притяжательных на -ов состоит в том, что они указывают на принадлежность только единичному лицу и не могут обозначать множественного владельца. Между тем в русском языке установился полный параллелизм между по сессионной (притяжательной) функций множественного и единственного числа. Индивидуальная, единичная принадлежность уже не выделяется грамматически как основной признак, как выделяется грамматически как основной признак, как отличительное свойство предмета. Выражение отношений притяжательности между предметом и лицом или коллективом, группой лиц синтаксически закреплено за формой родительного падежа имени существительного и единственного и множественного числа (родительный владельца). В этом отношении нет соответствия между собственно притяжательными и местоименными прилагательными. Суффикс -ов все больше специализирует свое значение как суффикс официальных имен (Петров, Иванов, Горев, Стеклов, Морев и т.п.). Угасанию и во всяком случае ограничению притяжательных на -ов способствовало семантическое обособление прилагательных на -овый (ср.: крокодилов и крокодиловый). Впрочем, в языке художественной литературы и в устной речи суффикс -ов еще очень живуч.

Ср. у М.Горького: “Неужто отцовы слова так тяжело слушать?” (Мещане); у Л.Сейфуллиной: “Старуха... глянула прямо в сыново лицо” (“Старуха”); у У.Федина: “Черными дырками нор рябила голая, плоская степь, и только с Евграфовым чутьем можно было выбрать в этой ряби настоящее сусликовое жильё” (“Братья”).

В современном русском языке суффикс -ин служит для обозначения индивидуальной принадлежности, преимущественно в фамильно-бытовых и семейно-домашних отношениях. Он стойко держится в словах, производных от обозначений родственников, от ласкательных личных имен, а также от официальных женских и мужских имен на -а, -я: тетин, теткин, мамин, папин, дядин; Танин, Надин, Колин, Ванин, Варварин, Надеждин и т.п. Например: Только съезди ты, поклонись гробу матери твоей, да и бабкину гробу кстати” (Тургенев, “Дворянское гнездо”).

Не подлежит сомнению, что устойчивости этого суффикса способствует ясность его состава с-ин

живо связывается значение единичности, индивидуализирующего обособления.

Обособления или угасание продуктивности суффикса –ов и сужения круга образований на –ин свойственны преимущественно книжному языку.

В языке художественной литературы (особенно в драматической речи, и сказовых, и диалогических формах прозы) и в устном просторечии еще употребительны оба типа. Например; у Ф.Сологуба в повествовательном стиле: “Внезапное цыганкино появление испугало его” (“Мелкий бес”). Но тенденции расширить их функции, особенно в сторону вещных образований не привились. Например, у В.Маяковского: ребровы дуги, стеганье одеялово, губы вещицы, постановление исполкомово и т.п.

В русском литературном языке XIX века под влиянием просторечия краткие формы родительного и дательного падежей мужского и среднего рода единственного числа у притяжательных на –ин вытесняются членными, полными образованиями, например, у Л.Толстого: “Три версты... отделяли церковь от тетушкиного дома” (“Воскресение”); у Салтыкова – Щедрина: Полфиша и себя, и самого – все вверил маменькиному усмотрению” (“Господа Головлевы”).

Как в суффиксе -ов, так и в суффиксе -ин переход в членную форму (-инный, -ая, -ое) связан с усмотрением притяжательного значения.

С категорий индивидуальной притяжательности тесно связаны продуктивные фамильные обозначения лиц на -ов, -ин (Иванов, Блохин и т.п.). Круг их производства шире чем притяжательных.

Для того, чтобы закончить обзор притяжательных прилагательных следует рассмотреть еще относительные прилагательные с суффиксами –ий, -ья, -ье, которые с по лексическому значению, и по формам (именительного и винительного падежей) частично примыкают к кратким притяжательным прилагательным (-ья, -ье, -ью, -ье).

В современном языке суффикс –ий прежде всего обозначает типичное для кого-нибудь (чаще: для какого-нибудь животного) свойство. Он образует относительные имена прилагательные от основ имен существительных, обозначающих живое существо: медвежий, верблюжий, волчий, заячий, птичий, рыбий, олений и т.д.

Морфологические и семантические различия между притяжательным разрядом имен прилагательных и качественно-относительных очевидны. Судьба притяжательных лишена перспектив. Притяжательные характеризуются “кроли своеобразной – смешанной” системы склонения безусловным

отсутствием степеней сравнения и невозможного производства “уменьшительно-ласкательных” форм, вообще форм субъективной оценки. Кроме того, для притяжательных прилагательных характерна не соотносительность с наречиями: наречные образования от притяжательных форм на –ов, -ин невозможны. Некоторые из этих признаков как будто роднят притяжательные прилагательные с разрядом местоименных прилагательных.

Притяжательные местоимение делятся на две группы: 1. Личные притяжательные местоимения (мой, наш, твой, ваш): 2. Возвратное притяжательное местоимение свой. Личные притяжательные местоимение обозначает принадлежность предмета первому лицу (мой, наш) и 1-му лицу (твой, ваш). Принадлежность третьему лицу выражается при помощи форм родительного падежа личностно-указательного местоимение он: его, ее, их. Н.: его пальто, ее шапка, их вещи.

Местоимение свой, подобно возвратному себе, обозначает принадлежность любому лицу: Вы оставайтесь при своем мнении, а я при своем.

Притяжательные местоимения мой, твой, свой склоняются, как прилагательное волчий, а наш, ваш – как прилагательное хороший.

Группа местоимений, в отличие от существительного, не имеет родительной принадлежности, кроме его, ее, их. Форма же его, ее, их употребляется имени существительного в форме родительного принадлежности, что нормальной для его, ее, их в притяжательном значении является постановка перед определяемым именем.

Отличительной особенностью кыргызского языка является наличие грамматической категории принадлежности и сказуемости.

Определение морфологической категории принадлежности во всех грамматиках кыргызского языка опирается на определение категории принадлежности Н.К.Дмитриева: “Категорией принадлежности называется грамматическая категория, выражающая одновременно и предмет обладания и лицо обладателя, связанная с одним из трех лиц, которые обозначаются посредством личных местоимений. (Грамматика башкирского языка - М., 1948, с.54).

Опора на определение, сделанное в грамматике башкирского языка, объясняется тем, что морфологическая категория принадлежности в тюркских языках является общей морфологической категорией, охватывающая существительные, субстантивированные прилагательные, числительные: местоимения, причастия, имена действия.

Как и в башкирском под категорий принадлежности в кыргызском языке понимается обозначение

предмета обладания специальным морфологическими средствами. Например, в словоформе *дентерим* – моя тетрадь” синтетически выражены и предмет обладания (*дентер*) обладатель (-им – аффикс 1-го лица, единственного числа).

Таким образом планом содержания морфологической категории принадлежности понимается выражение словоформы, отношение к предмету обладания и лицу обладателя.

План выражения данной категории морфологически ярко маркирован специальными аффиксами, которые в кыргызоведении принято называть аффиксами принадлежности.

В современном кыргызском языке морфологическая категория принадлежности. Образуется при помощи специальных (специализированных) аффиксов.

В структуре слова аффиксы принадлежности занимают определенное место: они следуют за аффиксом множественного числа и предшествуют падежным аффиксом: *үй* (дом) – *үйүм* (мой дом) – *үйүмдө* (в моем доме) – *үйлөр* (дома) – *үйлөрүм* (мои дома).

Аффиксы принадлежности имеют широкую сферу употребления. Основная грамматическая семантика обозначение лица обладателя. Однако само понятие обладателя толкуется довольно широко: в одном случае это реальный обладатель (*китебим* – “моя книга”, то есть книга, которая мне принадлежит), в другом – скорее сам предмет, названный именем с аффиксом принадлежности, является обладателем определенного лица (*өлкөм* – “моя страна”, то есть страна, в которой я живу, которой я принадлежу). Между этими крайними полюсами есть еще ряд градаций в отношениях обладателя и облагаемого. Кроме того аффиксы принадлежности могут выполнять и чисто синтаксическую функцию.

Аффикс принадлежности всегда предполагает наличие определения, однако он далеко не всегда имеет место в виде отдельного лексического элемента, причем отсутствие определения обычно связано с характером значения, выражаемого аффиксом принадлежности, или со стилем речи:

1) Аффикс принадлежности обозначает лицо и число обладателя без определения, указывая, что внимание говорящего сосредоточено только на предмете обладателя. Например: *Досу* – *кайгы*, *сырдашы* – *жаши*, *акылдашы* – *телмирткен ой*; его друг-печаль, собеседник – слезы, советчик – размышления.

2) Аффикс принадлежности может указывать, что определение уже упоминалось, и нет

необходимости снова его повторять, иными словами, связывает определяемое с определением, которое может находиться не только за пределами данной конструкции, но и вне данного предложения и может стоять в любой грамматической форме: *Миң адамдан сурасаң, миңи миң түркүн айтат*. Спросишь у тысячи человек, тысяча (человек) тысячу разностей скажут. Здесь аффикс принадлежности 3 лица в слове *миңи* связывает его со словом *адам* в первой части сложного предложения. Таким образом, в данном случае аффикс принадлежности выступает как грамматический показатель семантических отношений.

3) Аффикс принадлежности часто оформляет обращения, даже в тех случаях, когда они выражены собственными именами, выполняя при этом не только функцию грамматического указателя отношений между говорящим и собеседником, но и функцию стилистическую, подчеркивая особую почтительность или ласку говорящего: “*Сырттаным, мен бул этти бузуп, казанга салганча, кичтейилдик кылып, суу алып келе коюңуз!* – *деди*. “Он сказал!” “Храбрец мой, пока я разделю мясо и опущу его в казан, сделайте милость, принесите мне воды!”

Иногда к обращению присоединяется аффикс принадлежности 3 лица, что так же придает речи особую стилистическую окраску: *Энекеси, уулуңуздуң көйнөгүн карачы!* Мама (его), посмотри же на рубашку сына (его)! В этом предложении у слова *энеке* по логике должен быть аффикс принадлежности 1 го лица, а у слова *уул* – 2го лица.

4) Аффикс принадлежности 2-го лица может обозначать обобщенное отношение к собеседнику вообще, что весьма характерно для пословиц, поговорок, назиданий, наказов: *Эки доочу бир келсе, амалыңдын кеткени, эки оору бир келсе, ажалыңдын жеткени*. Если сразу (вместе) придут два истца, плохи (твои) дела, если сразу придут две болезни, смерть (твоя) близка. В этом примере речь направлена не к конкретному лицу, а обобщенно обращена ко всем, в том числе и к говорящему, как совет, назидание.

5) Приблизительно с таким же значением может быть использован и аффикс принадлежности 3-го лица. В этом случае обычно он оформляет названия двух предметов, лиц, которые по отношению друг к другу являются и обладателями, и предметами обладания: *Абышкасы кемпирин издеп, атасы баласын эркелетип, эжеси сиңдисин ойнотуп*, Старик (ее) ищет старуху (свою), отец (его) балует ребенка (своего), старшая сестра (ее) нянчит младшую сестру (свою).

б) Аффикс принадлежности 3го лица может выступать как грамматический показатель синтаксических отношений, оформляя неспрягаемые глагольные формы (причастия, имена действия) в составе сказуемого и обозначая их отношение к третьему лицу. *Үйдөн сүйлөнгөн сөзгө Курман көңүл бөлгөнүң жок.* На слова, сказанные дома, Курман не обратил внимания.

Морфологически категория принадлежности выражается аффиксом *-ныкы* (*-ники, -нуку, -нүку*), который исторически выходит к сочетанию аффикса родительного падежа и аффикса *-кы*, этимология которого недостаточно ясна.

-Аффикс *-ныкы* присоединяется к слову, обозначающему обладателя. Наиболее полно категория принадлежности выражена местоимениями, которые образуют с этим аффиксом особые формы от личных местоимений: *меники* – мой (принадлежащий мне), *сеники* – твой и т.д. Сочетаясь с именами существительными, а также с любой другой частью речи, выступающей в роли существительного (с числительными, местоимениями, именами действия прилагательными, прилагательными), аффикс *-ныкы* образует слова, в которые основа указывает на обладателя: *атамдыкы* – принадлежащие моему отцу, *дирдики* – принадлежащие одному и т.п.

Слова с аффиксом *-ныкы* никогда не выполняют функцию определения. Основная синтаксическая роль их - выражения сказуемого, но они могут выступать также в роли подлежащего и дополнения, склоняясь как имена существительные с аффиксом принадлежности третьего лица: *Айттын тамашасы элдик, жамбашы Шокемдики, көп болсо териси меники.* Праздничные игры народу, подвздошную кость – Шоке, и всего – на всего шкуру – мне.

Итак, аффиксы категории принадлежности служат образованию некоторых типов определенных сочетаний которую в тюркологии принято называть изафетом. Категория принадлежности – это особенность кыргызского языка. В русском языке данная категория имеет аналитическое выражение.

Литература:

1. Ахматов Т.К. Звуковой строй современного киргизского литературного языка.-Ф.:1982г.
2. Грамматика русского языка М."АН" 1980.
3. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.,1981.
4. Абдувалиев И. Кыргыз тили. Бишкек, 2003.
5. Давлетов С. Муканбаев Ж. Турусбеков С. Кыргыз тилинин грамматикасы. Ф.: 1982.
6. Русский язык. Л.Л. Касаткин, В.Е. Клобуков.-М.: Издательский центр "Академия", 2001.
7. Современный русский язык. Д.Э.Розенталь, И.Б.Голуб.-М.: Айрис-пресс, 2003.